

ПЕРЕПИСКА ФЕТА с Л. Н. МАЙКОВЫМ (1887–1888)

Публикация А. Г. Гродецкой

Небольшая по объему, непродолжительная по времени и по характеру сугубо деловая, даже, пожалуй, подчеркнуто сдержанная и почтительнo-церемонная переписка Фета с историком литературы, фольклористом, библиографом Леонидом Николаевичем Майковым (1839–1900) позволяет, тем не менее, в подробностях воссоздать историю публикации в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1888 году фетовского перевода «Элегий» Секста Проперция (ок. 50 до н. э. — ок. 15 до н. э.).¹ С 1868 года Майков был помощником редактора журнала, позднее, в 1883–1890 годах, его редактором, совмещая эту должность со службой в Центральном статистическом комитете (1864–1885), преподаванием в Археологическом институте, должностью помощника директора Публичной библиотеки (1882–1893), деятельным членством в Российском Географическом обществе, в Археографической комиссии, и это далеко не все сферы его исключительно многообразной и продуктивной научной деятельности.² Список его историко-литератур-

¹ Несомненного внимания среди работ последних лет о переводческой деятельности Фета (Г. Д. Аслановой, А. В. Успенской, Н. П. Генераловой, Н. В. Вулих, А. В. Ачкасова и других) заслуживает защищенная в 2010 г. и непосредственно посвященная фетовскому переводу Проперция диссертация Н. С. Пятковой. Решая ряд общеэстетических, стихо- и переводоведческих проблем, ее автор опирается как на многочисленные библиографические, так и на архивные источники. Переписка Фета с Л. Н. Майковым осталась, впрочем, в диссертации не учтенной. См.: *Пяткова Н. С. А. А. Фет — переводчик Секста Проперция: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2010.*

² См.: *Эльзон М. Д. Майков Л. Н. // Русские писатели. Т. 3. С. 462–463; Полякова Г. Г. Майков Л. Н. Фонд 166 // Ежегодник РО ПД (2000). СПб., 2004. С. 461–469 и др.*

ных трудов насчитывает более двухсот наименований.³ Звание академика Петербургской Академии наук Л. Н. Майкову было присвоено в 1891 году, два года спустя он стал ее вице-президентом. Среди его трудов, к слову, есть и небольшая некрологическая статья о Фете, написанная в 1892 году (см. *Приложение*).

Публикуемая переписка Фета с Л. Н. Майковым позволяет прежде всего уточнить хронологию работы над переводом четырех книг «Элегий» Проперция. Впервые обращаясь к Майкову с предложением публикации своего перевода в *ЖМНП* 4 и затем 28 октября 1887 года, Фет считает «Элегии» готовыми к печати: рукопись, по его словам, «окончательно просмотрена и исправлена» и публикацию он полагает возможным начать в январе 1888 года (см. письма 1, 3).⁴ По просьбе Майкова, ссылавшегося на «уже принятые некоторые статьи для классического отдела», публикация перевода откладывается сначала до апрельского (см. письмо 2), а затем до майского номера журнала, в «Отделе классической филологии» которого и появляется книга I «Элегий».⁵ Рукопись, отправленную Фетом в журнал 21 февраля, Майков получил 27 февраля (см. письма 6, 7). Книга II выходит в июльском номере журнала.⁶ В письме Майкову от 15 мая Фет сообщает о просмотренных «вскользь» ее корректурах и об отсылке их в Петербург (письмо 9). Книги III и IV увидели свет в августовском и сентябрьском номерах *ЖМНП*,⁷ рукопись была отослана в журнал 1 июня 1888 года (см. письмо 10).

Заказанные и оплаченные Фетом 300 отдельных оттисков из *ЖМНП* (см. письма 3, 9–11) были отпечатаны в типографии В. С. Балашова (в той же, где набирался журнал) в начале октября 1888 года: Элегии

³ См.: Рудаков В. Е. Хронологический указатель литературных трудов Л. Н. Майкова // *ЖМНП*. 1900. № 10. Совр. летопись. С. 75–96; Симони П. К. Хронологический список учено-литературных трудов и изданий Л. Н. Майкова // Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902. С. IX–XLII.

⁴ «Я писал уже Вам, — сообщал Фет Д. И. Нагуевскому 10 августа 1887 г., — что издание „Энеиды“, Проперция и Персия в начале нынешней зимы будет Геркулесовыми столпами моей переводческой деятельности» (Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887–1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 400).

⁵ *Фет А. А. Элегии Секста Проперция, кн. I // ЖМНП*. 1888. № 5. Отд. классич. филологии. С. 10–48 (отд. паг.).

⁶ Там же. № 7. С. 85–123.

⁷ Там же. № 8. С. 139–162; № 9. С. 163–220. В № 8 опубликованы тексты элегий I–XX книги III, причем последняя элегия обрывается на стихе 11 и продолжается в № 9, следом за ней помещены элегии XXI–XXV («остатки» книги III), затем — целиком книга IV; в № 9 опубликованы примечания к обоим книгам.

Секста Проперция. Перевод А. А. Фета. СПб., 1888.⁸ На обороте титульного листа значится: «Извлечено из Журнала Министерства Народного Просвещения 1888 г.».

Лично знаком с Л. Н. Майковым Фет не был — сведения об этом находим в одном из публикуемых писем (см. письмо 4), хотя с Аполлоном Майковым, бывшим 18-ю годами старше брата Леонида, его связывала многолетняя дружеская и творческая близость. Предварительные переговоры о печатании перевода Проперция с редактором *ЖМНП* вел Н. Н. Страхов (см. письмо 1), и он же, как сообщает Фет в «Моих воспоминаниях», «перечитывал <...> Проперция»,⁹ готовя текст к изданию. Редакторскую роль Страхов в эти годы исполняет постоянно, без его «проверки», как признается Фет, он ничего не печатает.¹⁰ Неизменными помощниками поэта в работе над переводом Проперция и комментарием к нему, как и в предшествующих его трудах, были Ф. Е. Корш¹¹ и А. В. Олсуфьев.¹² С Коршем, вспоминал Фет, «мы проследили <...> половину Проперция», с Олсуфьевым «мы просматривали 2-ю часть Проперция».¹³ Не упомянутым в «Моих воспоминаниях» в числе постоянных помощников по понятным причинам остался И. М. Ивакин, домашний учитель (с 1880 г.) сыновей Льва Толстого, который, по сло-

⁸ В дальнейшем ссылки на это издание: *Проперций. Отд. изд.*, с указанием страницы.

В примечаниях к п. 19 и п. 48 переписки Фета с Я. П. Полонским, опубликованной в «Литературном наследстве», на основании дат писем Фета к Полонскому и вел. кн. Константину Константиновичу (от 26 и 28 октября 1888 г. соответственно) ошибочно указано, что отдельное издание «Элегий» Проперция вышло в Петербурге в конце октября — см.: *Фет/Полонский*. С. 622, 682.

⁹ См.: *МВ*. Ч. 2. С. 392.

¹⁰ *Фет/Полонский*. С. 626, п. от 23 января 1888 г.

¹¹ О филологе, переводчике *Федоре Евгеньевиче Корше* (1843–1915) см. подробнее: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету // Сборник Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Вып. 1. С. 35–52; *Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 204–228; *Постоуменко К. Ю.* Корш Ф. Е. // *Русские писатели*. Т. 3. С. 96–97.

¹² О генерал-лейтенанте графе *Алексее Васильевиче Олсуфьеве* (1831–1915), филологе-дилетанте, блестящем знатоке истории и культуры Древнего Рима, см.: *Асланова Г. Д.* 1) Примечания // *Фет А. Д.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. ст. А. Е. Тархова; Сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 444–447; 2) Письма А. А. Фета А. В. Олсуфьеву // *Письма к Олсуфьеву* (50). С. 214–245. См. также ниже, примеч. 15.

¹³ *МВ*. Ч. 2. С. 392.

Л. Н. Майков.
Фотография М. Конарского.
Москва, между 1875 и 1879 гг. (ИРЛИ)

вам Фета в письме к С. А. Толстой от 23 января 1888 года, экземпляр Проперция «весь испещрил карандашом».¹⁴ Участие Ивакина в работе Фета-переводчика было, по-видимому, лишь единичным эпизодом.

Публикуемая переписка проясняет степень участия в переводе «Элегий» как Ф. Е. Корша, так и А. В. Олсуфьева, уточняя, в частности,

¹⁴ *Фет/Толстая*. С. 159. Знание Ивакиным латинского языка (вероятно, не без преувеличения, но стремясь порадовать адресата) Фет в этом письме ставит не только выше собственного, но и выше познаний А. В. Олсуфьева (Там же). *Ивакин Иван Михайлович* (1855–1910) — историк, педагог, выпускник Московского университета. После учительства в семье Толстых служил библиотекарем в Румянцевском музее, преподавал в одной из московских гимназий. Перевел с латинского языка «Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году» Б.-Л. Таннера (Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских. 1891. Кн. 3); автор записок «Толстой в 1880-е годы» (*ЛН*. Т. 69: Лев Толстой. Кн. 2. С. 21–124). Толстой называл его «живой грамотой» и ценил в нем «прекрасного и очень умного человека» (*Толстой*. Т. 63. С. 40). См. о нем также: *Бибикова М. С.* В семье Толстых // Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 53, 313.

то, что Фет в одном случае назвал «половиной Проперция», в другом — его «2-ой частью». В переписке имя Корша не упомянуто, тогда как имя Олсуфьева в ней присутствует, судя по всему, не случайно (см. письма 8 и 9). Редактору *ЖМНП* это имя было хорошо известно, как был ему лично знаком и сам генерал от кавалерии, филолог-классик, опубликовавший в 1886 году — еще до знакомства и сближения с Фетом — в четырех номерах министерского журнала большую критическую статью с подробным разбором фетовского перевода «Сатир» Ювенала.¹⁵

Трудно сказать, когда именно возник у Фета замысел перевода Проперция.¹⁶ Не обнаружив документальных свидетельств для датировки начала работы, Н. С. Пяткова следующим образом решила эту проблему: «Датировать перевод „Элегий“ Проперция правильнее всего будет периодом 1883–1887 гг. В 1883 году Фет выпустил труд жизни — стихотворный перевод всех сочинений Горация. Затем Фет стал переводить других римских поэтов. Работа эта была необычайно интенсивной и дала исключительные результаты. В последние семь лет жизни Фет выпустил в свет „Сатиры“ Ювенала, „Стихотворения“ Катулла, „Элегии“ Тибулла, „Превращения“ Овидия, „Элегии“ Проперция, „Энеиду“ Вергилия, „Сатиры“ Персия, „Горшок“ Плавта, „Эпиграммы“ Марциала, „Скорби“ Овидия. В письме Д. И. Нагуевскому от 30 мая 1887 Фет сообщает об „Элегиях“ Проперция, „готовых к печати“».¹⁷

Действительно, «готовыми к печати» «Элегии» казались Фету ранее его первых письменных обращений к Л. Н. Майкову в октябре 1887 года. Об этом 30 мая 1887 года он пишет Д. И. Нагуевскому, с которым на протяжении весны работает над переводом «Энеиды».¹⁸

¹⁵ См. об этом: Письма А. В. Олсуфьева к Л. Н. Майкову / Публ. М. Д. Эльзона // *Ежегодник РО ПД* (2000). СПб., 2004. С. 123–132. Девять из десяти опубликованных писем относятся к первой половине 1886 г. и связаны со статьей Олсуфьева «Ювенал в переводе г. Фета» (*ЖМНП*. 1886. № 2, 3, 5, 8); десятое письмо не имеет отношения к статье и датируется 31 августа 1891 г.

¹⁶ Еще в ноябре 1860 г. Тургенев писал Фету: «Попробуйте перечесать Проперция (Катулла также или Тибулла) — не найдете ли над чем потрудиться, не спеша? Одну элегию в неделю — „ничего, можно“. <...> Вам еще грешно класть перо на полку» (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 259).

¹⁷ Пяткова Н. С. А. А. Фет — переводчик Секста Проперция: [текст дисс.] <http://www.dissercat.com/content/aa-fet-perevodchik-seksta-propertiya>

¹⁸ См.: Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским. С. 391. О филологе-классике Дарии Ильиче Нагуевском (1845–1919) и его участии в работе Фета над переводом «Энеиды» Вергилия см. во вступит. статье С. А. Ипатовой (Там же. С. 365–381).

Когда была начата работа над переводом? В «Предисловии» к публикации «Элегий» Фет признался: «В выборе последовательности переводов мы не руководились ничем, кроме минутной склонности и влечения».¹⁹ Еще в 1884 году в одном из шуточных стихотворных посланий (от 29 ноября) Ф. Е. Корш призывал его:

Так принимайся же скорее за Тибулла
И за Проперция, потом и за Катулла.²⁰

О том, что переводит Проперция, Фет извещал С. А. Толстую 24 апреля 1886 года, приведя в письме со словами: «Надеюсь, недурно!» — десять переведенных им стихов 2-й элегии книги III,²¹ а 26 июня писал С. В. Энгельгардт: «В настоящее время кончаю знаменитого и причудливого римского поэта времен Августа Проперция».²² Жалуясь в письме к Н. П. Семенову 5 июля на «усиливающуюся слабость глаз», Фет добавлял: «...урывками все-таки я успел перевести почти всего Проперция».²³ Однако найти время, чтобы основательно «приняться за Проперция», ему удалось, вероятно, лишь в начале 1887 года. Во всяком случае, отсылая 25 января 1887 года А. В. Олсуфьеву, при ближайшем участии которого только что завершилось редактирование «Превращений» Овидия, «выхваченные у переплетчика» экземпляры отдельного издания, Фет пишет: «Сейчас же сажусь на весь день за Проперция».²⁴ Но от Проперция его отвлекает Вергилий, и спустя полтора месяца, размышляя 11 марта 1887 года в письме к Д. И. Нагуевскому о работе над переводом «Энеиды», он признается: «Я полагал, что „Энеида“ представит для меня шуточную работу, и сильно ошибся, так как перевод ее для меня труднее капризного Проперция».²⁵ Постоянно занятый весной 1887 года переводом «Энеиды», Фет, судя по всему, не оставляет Проперция и, как уже отмечалось выше, к началу лета считает перевод «Элегий» готовым, о чем пишет Д. И. Нагуевскому. К концу лета, делаясь с Олсуфьевым в письме от 4 августа известием, что ему «остается перевести в „Энеиде“ двести стихов», Фет добавляет: «Разделяя Проперция, я держался Квинеля, Paily и Baehrens, т. е. на четыре книги и,

¹⁹ *Проперций. Отд. изд.* С. 3.

²⁰ Мендельсон Н. М. Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 42.

²¹ *Фет/Толстая.* С. 112.

²² *Фет А. А. Стихотворения. Проза. Письма.* С. 392.

²³ См. публикацию переписки Фета с Семеновым в наст. томе. С. 656.

²⁴ *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 231.

²⁵ Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским. С. 383.

потративши много труда на расположение текста по новейшим комментаторам, я уверен, что Вы мой текст найдете удовлетворительным».²⁶

Подробности совместной работы Фета и Олсуфьева над переводом Проперция, точнее начального этапа этой работы, остаются не вполне проясненными. Так, 3 сентября 1887 года Фет сообщал Нагуевскому: «В Москве свиделся с гр. Олсуфьевым; он весь поглощен Проперцием и боялся, не помешаю ли ему, задумав то же издание».²⁷ По-видимому, Олсуфьев, в известной мере «опередив» Фета в переводе «знаменитого и причудливого» поэта, предполагал издать собственный перевод «Элегий». Впрочем, дальнейшая работа шла согласованно, найдя отражение в переписке обоих почитателей римского лирика. В письме от 2 октября, уже на следующий день по возвращении в Москву из Воробьевки и за два дня до первого обращения к Л. Н. Майкову с предложением публикации перевода Проперция, Фет напоминает о нем Олсуфьеву: «Совершенно расклеенный осеннею погодой, прибыл я вчера на зиму в Москву, но сегодня боюсь выйти на воздух. Тем не менее желая уяснить дело печатания Проперция, я просил бы Вас указать на завтрешнее <так!> третье октября час, в который мог бы явиться к Вам».²⁸

²⁶ Письма к Олсуфьеву (50). С. 236. Речь идет не только о делении «Элегий» на четыре книги, но и о разделении текстов отдельных элегий внутри книг, а также о «порядке стихов» внутри текстов, что всякий раз, сталкиваясь с текстологическими разночтениями и ссылаясь на то или иное из указанных латинских изданий, Фет оговаривает в примечаниях. Не три, а четыре основных источника упомянуты в «Предисловии» к переводам «Элегий»: «Настоящий перевод по отношению к тексту составлен главным образом по четырем изданиям: ныне устаревшему Квинелю, в большинстве случаев исправлен по Лукиану Мюллеру, и затем в некоторых местах предпочтение отдано изданиям Палея и Беренса» (*Проперций. Отд. изд.* С. 10). Упомянуты: *Христиан Теофил Куинел* (Kuinoel; 1768–1841) и издание: *Sexti Aurelii Propertii Carmina / Recensuit illustravit Christianus Theophilus Kuinoel. Lipsiae, 1805. Т. 1–2*; кембриджский ученый-классик *Фредерик Антонн Пейли* (Paley; 1815–1888) и его издания: *Propertius Opera. Lat. English Notes by Paley. London; Cambridge, 1853*; *Sex. Aurelii Propertii Carmina. The elegies of Propertius, with English notes by F. A. Paley. London, 1872*; *Лукиан Мюллер* (Müller; 1836–1898) — историк, филолог-латинист, издатель и переводчик Горация, Катулла, Тибулла и др. Фет пользовался изданием: *Sex. Propertii Elegiae / Recensuit Lucianus Mueller. Lipsiae, 1870*. О Беренсе см. примеч. 2 к п. 3. Об изданиях Проперция, с которыми работал Фет, см. также: *Космолинская Г. А. Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу. С. 217*; *Пяткова Н. С. А. А. Фет — переводчик Секста Проперция. С. 3*.

²⁷ Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским. С. 406.

²⁸ Письма к Олсуфьеву (50). С. 236.

К середине осени 1887 года «Элегии» вновь кажутся Фету вполне готовыми к печати: 28 сентября он сообщает об этом Майкову (см. письмо 3). Однако из письма Олсуфьева к Фету от 8 ноября следует, что до «окончателности» было еще далеко. Он пишет: «Ваш перевод Проперция лучший из всех Ваших до сей поры появившихся. <...> критический разбор его меня тем более увлекает, что служит проверкой моей собственной работы над этим симпатичным классиком. Так как она доведена только до половины II элегии последней книги, а мне желательно представить Вам нечто законченное, то прошу Вас прислать мне тетрадь, содержащую последнюю часть III книги. / По возврате Вам оной с моими пометками, Вы будете в состоянии обсудить, стоит или нет обождать с печатанием, дабы дать мне возможность пересмотреть таким образом весь Ваш перевод».²⁹ К письму Олсуфьеву от 24 ноября Фет прилагает рукопись, «посильно исправленную, согласно замечаниям» адресата.³⁰ Но в письме Полонскому спустя месяц, 1 января 1888 года, признается: «В настоящую минуту никак не могу справиться с печатанием „Энеиды“, исправлением перевода Проперция и т<ак> далее».³¹ И в тот же день обращается с просьбой к Ф. Е. Коршу: «...если бы Вы были так любезны, что черкнули бы мне заглавие книги или книжек (хотя бы и на английском языке), где бы я мог найти текст Проперция в современном его виде, то бесконечно бы меня одолжили».³² А накануне, 30 декабря 1887 года, Олсуфьев отправляет Фету новые замечания к его переводам Проперция. Извещая Фета, что едет «на три дня в деревню к брату», взыскательный редактор пишет: «...в предположении, что Вы найдете свободное время в продолжение моего отсутствия, посылаю Вам мои замечания на конец II элегии, начиная с 43 ст<иха> и на всю V и на VI с 69 ст<иха>. Я мыслю, что Вы и без личного со мной совещания усмотрите, что следует отбросить как чересчур требовательное и педантичное. / 2 января я снова примусь за эту работу...».³³ 7 января Фет напоминает Коршу о его обещании «справиться насчет значения» одного из латинских выражений «в 84-м стихе IV-й книги первой элегии Проперция».³⁴ Получив в тот же день незамедлительный ответ с подробным толкованием стиха, он отвечает ему благодарностью 8 января.³⁵

²⁹ Письма к Олсуфьеву (50). С. 237, примеч. 1 к п. 27.

³⁰ Там же.

³¹ Фет/Полонский. С. 620.

³² Космолинская Г. А. Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу. С. 217. Ответное письмо Корша от 2 января см.: Мендельсон Н. М. Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 46–47.

³³ Письма к Олсуфьеву (50). С. 237, примеч. 3 к п. 28.

³⁴ Космолинская Г. А. Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу. С. 218.

³⁵ Там же. С. 218, 219; Мендельсон Н. М. Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 48–49.

Истинно и глубокоуважаемому
Федору Евгениевичу
ЭЛЕГИИ
Коршу
СЕКСТА ПРОПЕРЦІЯ

Переводъ

А. А. ФЕТА.

Федору Евгениевичу
переводчикъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 78.

1888.

Отдельное издание «Элегий» Проперция в переводе Фета (СПб., 1888)
с дарственной надписью: «Истинно и глубокоуважаемому Федору
Евгениевичу Коршу душевнопризнательный переводчик». Обложка (ГЛМ)

На этом, судя по эпистолярным свидетельствам, участие Корша в переводе и толковании текстов Проперция как будто завершается. «Половина Проперция» — та доля его участия, о которой Фет писал в «Моих воспоминаниях», подразумевала, как видим, не только работу над двумя первыми книгами «Элегий».

Сообщив Майкову 21 февраля об отсылке в журнал «двух первых книг элегий с предисловием и примечаниями» (см. письмо 5), Фет в течение февраля — мая совместно с Олсуфьевым продолжает работу над второй частью публикации (книги III и IV), на неопределенное время отложенной. «Замечания Ваши всегда так определенны и ясны, что я никогда не затрудняюсь их уразумением», — пишет он Олсуфьеву 29 февраля и 6 марта продолжает: «Получив от Вас в Москве одеяние Проперция (видимо, комментарий. — А. Г.), испещренное Вами мелом на местах, требующих переделки, я, за отъездом, не успел заняться этим делом, а равно и принести Вам мою сердечную благодарность. / Конечно, самое пребывание мое в деревне мало влияет на успех исправления Проперция, так как весь почин дела зависит от Вас, а не от меня; а получу ли я Ваши отметки в тот же день или на другой — совершенно безразлично. Итак, в настоящее время <из> четвертой книги остается одна одиннадцатая элегия». «Приношу Вам мою сердечную признательность, — пишет Фет ему же 25 марта, — за одиннадцатую элегию, поправки которой я имел честь получить при любезных строках Ваших. Это была последняя рискованная посылка на станцию при наступившем половодье, а настоящее письмо является первою голубицей, которой я желаю благополучно доставить свой миртовый листок на Ваш письменный стол. Самым добросовестным образом я воспользовался Вашими указаниями и, кажется, ничего не испортил излишним рвением». В конце письма он добавляет: «До июня остается всего два месяца. Приятно мне или неприятно, судьба меня не спрашивает, а между тем необходимо установить *modus vivendi* (образ жизни — *лат.*), и я вынужден просить Вас о продолжении благотельной работы и высылке мне элегий третьей книги по мере их проверки. Минута, когда редакция „Журнала Министерства народного просвещения“ насядет на меня с окончательным требованием второй половины Проперция, мне неизвестна. Но тогда уже я буду просить Вас о высылке мне в Воробьевку и остального».³⁶

15-м апреля 1888 года датированы два письма — к Майкову и к Олсуфьеву. К Майкову Фет обращается с «покорнейшей просьбой отложить до сентября и октября печатание третьей и четвертой книг»

³⁶ Письма к Олсуфьеву (50). С. 237, 238.

(см. письмо 8), Олсуфьеву же сообщает: «Сию только минуту отводил душу над любезным и многозначительным по содержанию письмом Вашим от 3 апреля. Ввиду незаменимых замечаний Ваших, которыми не дорожить было бы с моей стороны непростительной бессмыслицей, я вместе с сим уже написал Л. Н. Майкову, что я прошу его отложить печатание третьей и четвертой книг Проперция до сентября и октября <...>». ³⁷ И наконец, письмо к Олсуфьеву от 22 мая содержит высочайшую оценку его работы. Фет пишет: «В настоящую минуту я занят исправлением третьей книги Проперция согласно драгоценным указаниям Вашим, приводящим меня в неописанный восторг своим вниманием к труду и мастерскими оттенками подробностей. Увы! Такого мастерства мы в нашем отечестве не привыкли встречать ни в какой отрасли». И далее: «...каким образом я могу печатно высказать мою признательность вашему сиятельству за благотворительное участие в издании Проперция? Ведь промолчать об этом, тогда как только вследствие серьезных трудов Ваших Проперций явится в надлежащем виде, в сущности то же, что украсть». ³⁸

Рукопись книг III и IV, с учетом всех «драгоценных указаний» А. В. Олсуфьева, ³⁹ была отправлена в *ЖМНП* 1 июня 1888 года (см. письмо 10).

По выходе в свет отдельного издания «Элегий», отсылая 26 октября 1888 года экземпляр книги Полонскому, Фет писал: «Посылаю тебе свой перевод Проперция. Не прочитавши комментария каждой вещи отдельно, ничего не читай. Прочти хоть самую последнюю элегию четвертой книги: „Корнелия к Павлу“ — и скажи, принесла ли наша так называемая цивилизация что-либо выше этого? Всякий, не верующий слепо в рутину, должен будет признаться, что мы не выработали для женщины никакого нравственно высшего идеала, а напротив только все спутали и размазали до неузнаваемости». ⁴⁰ Замечательно составленное переводчиком-поэтом примечание к элегии «Корнелия к Павлу»: «Не-

³⁷ Там же. С. 239–240.

³⁸ Там же. С. 240, 241. В письме от 23 мая Фет сообщал Полонскому: «Работаю в настоящее время над окончательною отделкою моего перевода Проперция <...>» (*Фет/Полонский*. С. 647).

³⁹ К 1890 г., ко времени редактирования перевода Марциала, относится признание Фета, что Олсуфьев его «истерзал неумолимой отсталостью *pede claudo* (букв.: хромаю на одну ногу, т. е. медлительностью. — *лат.*) своей работы» (*Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу. С. 225–226).

⁴⁰ *Фет/Полонский*. С. 681; см. также ниже, примеч. 42. О комментариях, помещенных в *ЖМНП* не постранично, а в конце публикации, см. примеч. 1 к п. 9.

сравненное стихотворение это <...> по справедливости называется „царицею элегий“, ибо ни одно из всех дошедших до нас древних стихотворений этого рода не выставляет женской добродетели и душевного благородства с такою возвышенностью и так трогательно, как эта элегия, которую нельзя читать без душевного волнения». ⁴¹

Признания в особенной «симпатии» к Проперцию — среди всех римских поэтов — постоянно звучат в письмах Фета времени работы над переводом и по его завершении. О «великолепном» Проперции он пишет С. А. Толстой, ⁴² «капризным», «причудливым» называет его в цитированных выше письмах к Д. И. Нагуевскому и С. В. Энгельгардт, поэтом, который «проймет» читателя «необычайной выпуклостью своих изображений», — в письме Полонскому, ⁴³ «одним из самых даровитых», «самым образным из римских лириков» — в письмах вел. кн. Константину Константиновичу. ⁴⁴ Наконец, «одним из оригинальнейших и художественно-правдивых» римских поэтов Проперций назван в «Преди-

⁴¹ *Проперций. Отд. изд.* С. 176. На присылку перевода Проперция Полонский 4 ноября отвечал шуточным стихотворением («балагурный вздор»), стилизованным в духе римских элегий, а в письме от 9 ноября критически отозвался о «буквальной точности» фетовского перевода, из-за которой теряются «поэтические красоты» оригинала. «В поэзии, как и во всяком искусстве, форма — всё. — Нет красоты — нет поэзии, — писал он. — А ты точность и буквальность ставишь на первое место, и тяжело читать, и надо черт знает как напрягать мозги, чтоб провидеть или угадывать прелесть подлинника» (*ИРЛИ. № 11843а. Л. 37 об.*). Спор о достоинствах и недостатках перевода Проперция продолжался и в следующих письмах (см.: *Фет/Полонский*. С. 683–684, п. 49; С. 685, п. 50; С. 687–688, п. 51, 52).

⁴² *Фет/Толстая*. С. 125, п. от 18 сентября 1886 г.

⁴³ *Фет/Полонский*. С. 647, п. от 23 мая 1888 г.

⁴⁴ *Фет/К. Р.* С. 710, п. от 1 августа 1888 г.; С. 732, п. от 28 октября 1888 г. В письме к нему от 1 августа 1888 г. Фет писал: «Мне пришлось настойчиво потрудиться над этим переводом, и я уверен, что если Ваше Высочество, прочитав предварительно объяснения к каждой отдельной элегии, прочтете затем дословный ее перевод стихами, то, независимо от наглядного знакомства с характерной элегической смесью гекзаметра с пентаметром, — в чуткой душе поэта будете поражены выпуклостью каждого стиха одного из самых даровитых римских поэтов. Если Проперций Вам понравится, то несомненно принесет громадную пользу Вашему таланту» (Там же. С. 710). «Сколько игривости, силы воображения, разносторонности и тонкой чуткости у Проперция!» — отвечал, «не успев прочесть и половины» присланного ему Фетом отдельного издания «Элегий» вел. кн. Константин Константинович, в следующем письме добавляя: «Я <...> все короче и ближе знакомлюсь с причудливым, бойким, остроумным и многосторонним Проперцием; невозможно не преклониться с искренним почтением перед потраченным вами трудом. Но <...> лично мне несравненно привлекательнее пахучие плоды вашего собственного творчества» (Там же. С. 734, 739).

словии» к «Элегиям».⁴⁵ И со всей полнотой высказалась эта «симпатия» в письмах к Л. Н. Майкову. Уже в первом из них читаем: «Перевод этот наиболее симпатичного мне римского поэта я вместе со сторонними знатоками дела считаю наиболее удачным из моих классических переводов». В другом письме Фет добавляет: «Смею Вас уверить, что ни на одного из переведенных мною римских поэтов я не потратил столько любви, симпатии и старания, как на Проперция» (письмо 6).

Своеобразной исповедью не только переводчика, но исследователя и истолкователя творчества Проперция предстает фетовское «Предисловие» к публикации «Элегий». «В последние десять лет, — пишет он, — мы неоднократно появлялись перед читателями с переводами латинских поэтов <...>. Конечно, по пословице: „человек предполагает, а Бог располагает“, мы, с одной стороны, не отрицаем человеческой преднамеренности, но с другой — ежеминутным опытом убеждены, что окончательный исход зависит от тысячи обстоятельств, ускользающих от человеческой предусмотрительности. Эта вечная истина повторилась и в нашей частной деятельности и поразила нас, только когда при конце мы оглянулись на пройденный нами путь. <...> Не странно ли, что, когда усиливающаяся слабость зрения лишает нас надежды послужить делу новым серьезным трудом, мы появляемся с переводом самого беззаветно правдивого представителя римской жизни в момент ее высшего эстетического развития со всеми особенностями духовных и плотских отношений между полами? Поэтому Проперций для ясного своего уразумения требует наиболее зрелого и сосредоточенного внимания читателя. Если при переводах других поэтов мы насчитываем своих читателей немногими сотнями, то при издании Проперция — вправе рассчитывать только на единицы. Но тем сильнее в нас потребность высказаться перед такими читателями». «Даже при поверхностном знакомстве с произведениями нашего поэта, — пишет Фет в конце Предисловия, — мгновенно чувствуется, что перед нами не простое отражение современных картин и обстоятельств, а самобытная творческая сила, придающая всему свой духовный отпечаток. Это не ассигнации, указывающие на известную ценность, а чистое золото, само представляющее эту цену. <...> признаком творческой жизненности произведений Проперция служит неисчерпаемое богатство мотивов, которыми он наполнил столь тесный по видимому (т. е. с виду, на внешний взгляд. — А. Г.) круг любовных стихотворений, так что постоянно изумляет нас неиссякаемым ключом поэтического богатства. Не умом придуманы эти мотивы, а возникли из живого созерцания, как это видно из того, что все

⁴⁵ Проперций. Отд. изд. С. 3.

они местны, личны, непосредственны и до того пластичны, что кажется, будто мы ощупываем руками выпуклые предметы. Наконец, все это изумительное богатство образов вырезано таким острым резцом на твердом граните римской речи и в то же самое время выглажено в такие мягкие очертания, что вся его индивидуальность с полной ясностью сохранилась в течение тысячелетий».⁴⁶

Признание в особом роде «чувствительности» к лирике Проперция — и ее объяснение — находим и в «Моих воспоминаниях»: «Того тайного смятения, того неопределенного подъема и стремления к неведомому, которым полны корифеи христианского мира, начиная с Шекспира и Байрона и самого Гёте и кончая Гейне и Лермонтовым, — у древних не существовало, и надо быть на этот счет весьма чувствительным, чтобы почувствовать зародыш этого веяния (романтизма) у Проперция».⁴⁷

Едва завершив публикацию «Элегий», Фет обращается к Майкову с предложением напечатать в *ЖМНП* уже подготовленный им к печати перевод «Сатир» Персия. «Есть в римской литературе, — пишет он, — по-моему, весьма талантливый поэт, которому по причудливости его фантазии во все времена не везло под предлогом его непонятности. Я говорю о Персии, и если большинство публики так мало сочувствует римским классикам, не сходящим со стола европейских образованных людей, то возможно ли рассчитывать на успех крошечного Персия даже с достаточными объяснениями? Во всех его шести сатирах не может быть более двух листов. Печатать отдельным изданием перевод Персия значило бы обресть издание прямо на макулатуру, и поэтому я решаюсь просить Ваше Превосходительство, не найдете ли Вы возможным напечатать стихотворный перевод Персия на основаниях, на которых напечатан Проперций?» (письмо 11).

На предложение Фета редактор журнала ответил согласием (см. письма 12, 14) — «Сатиры» Персия были опубликованы в мартовском номере *ЖМНП* за 1889 год.⁴⁸

Из переписки, сохранившейся не полностью, ниже публикуются 9 дошедших до нас писем Фета Л. Н. Майкову и 5 ответных писем Майкова. Письма Фета публикуются по подлинникам — *ИРЛИ*. Ф. 166 (Л. Н. Майков). Оп. 3. № 1042. Все они написаны рукой Е. В. Федоровой (в замуж. Кудрявцева), только заключительные фразы и подписи — рукой Фета. Письма Л. Н. Майкова публикуются по подлинникам — *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 2.

⁴⁶ *Проперций. Отд. изд.* С. 3–4, 9–10.

⁴⁷ *МВ*. Ч. 2. С. 388.

⁴⁸ См. примеч. 1 к п. 12.

ЭЛЕГИ СЕНСТА ПРОПЕРЦИЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Появляясь съ посильнымъ русскимъ переводомъ одного изъ оригинальнѣйшихъ и художественно-правдивыхъ римскихъ поэтовъ, чувствуемъ потребность, если не вполне высказаться, то по крайней мѣрѣ указать читателю на многое, безъ чего, по нашему мнѣнію, элегии Проперція не могутъ быть правильно оцѣнены въ ихъ историческомъ значеніи.

Въ послѣднія десять лѣтъ мы неоднократно появлялись передъ читателями съ переводами латинскихъ поэтовъ и считаемъ отраднымъ долгомъ принести сердечную благодарность тѣмъ немногимъ, которые отнеслись къ нашему труду съ благосклоннымъ вниманіемъ и серьезностью. Конечно, по пословицѣ „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, мы, съ одной стороны, не отрицаемъ человѣческой преднамѣренности, но съ другой—еще минутнымъ опытомъ убѣждены, что окончательный исходъ зависитъ отъ тысячи обстоятельствъ, ускользающихъ отъ человѣческой предусмотрительности. Эта вѣчная истина повторилась и въ нашей частной дѣятельности и поразила насъ, только когда при концѣ мы оглянулись на пройденный нами путь. Въ выборѣ послѣдовательности переводовъ мы не руководились ничѣмъ, кромѣ минутной склонности и влеченія. Не странно ли, что когда усиливающаяся слабость зрѣнія лишаетъ насъ надежды послужить дѣлу новымъ серьезнымъ трудомъ, мы появляемся съ переводомъ самаго беззаветно правдиваго представителя римской жизни въ моментъ ея высшаго эстетическаго развитія со всѣми особенностями духовныхъ и плотскихъ отношеній между людьми? Поэтому Проперцій для яснаго своего уразумѣнія требуетъ наиболѣе зрѣлаго и сосредоточеннаго вниманія читателя. Если при переводахъ другихъ поэтовъ мы насчитываемъ своихъ читателей немногими сотнями, то при изданіи Проперція—нѣ правѣ разсчитывать только

1

Фет — Майкову

4 октября 1887 г. Москва

МОСКВА

Октября 4, 1887.

Плющиха, соб. дом

№ 481

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Я только что вчера добрался на зиму в Москву и спешу воспользоваться любезным обещанием Вашим поместить, как уведомил меня Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов,¹ мой полный перевод Проперция в «Журнале Министерства народного просвещения». Перевод этот наиболее симпатичного мне римского поэта я вместе со сторонними знатоками дела считаю наиболее удачным из моих классических переводов. Печатный объем его со всеми примечаниями может, по мнению моему, представлять листов двадцать. Николай Николаевич передал мне следующие подробности дела: гонорар журнала три рубля за страницу, печатание начнется с 1 января 1888 года, отдельных оттисков журнал не дает. Принимая с благодарностью все эти условия, прошу почтить меня ответом на следующие вопросы. Так как корректуру придется вести не мне самому, то я желал бы привести черновую рукопись в такое состояние, чтобы на случай утраты чистой, подлежащей высылке к Вам, по ней было возможно восстановление всего труда, полная утрата которого была бы для меня слишком жестока. А так как с одной стороны мне нужна твердая уверенность в окончательной судьбе моей рукописи, а с другой рукопись моя по обстоятельствам должна без дела пролежать у Вас до января, то не откажите, во-первых, в прямом извещении насчет окончательного приема моего труда в журнал, а во-вторых, о последнем сроке, к которому я должен буду выслать рукопись по указанному Вами адресу.^a

С совершенным уважением имею честь быть

Вашим

покорнейшим слугой

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 1–2 об.

^a Далее рукой А. А. Фета.

¹ В письме к Фету от 16 сентября 1887 г. Страхов сообщал: «Сегодня только окончательно переговорил с Л. Н. Майковым: насчет печатания Персия и Проперция», — и далее излагал предложенные Майковым условия публикации и оплаты (Фет/Страхов. С. 442).

2

Майков — Фету

12 октября 1887 г. Петербург

12 октября 1887.
СПб.

Милостивый государь
Афанасий Александрович.^а

Я уже говорил Н. Н. Страхову о моей полной готовности поместить Ваш перевод Проперция на страницах «Журнала Мин<истерства> нар<одного> просв<ещения>» и теперь с особенным удовольствием повторяю это Вам лично. Как я уже сообщал Николаю Николаевичу, гонорар наш не более 3 руб<лей> за страницу. Оттиски могу предложить Вам в количестве 25 бесплатно; если же Вы пожелаете иметь оттиски в большем количестве и с переверсткою в особую книжку, то за это придется заплатить, впрочем, не слишком много. Соображая подлинник латинский со шрифтом нашего журнала, я склонен думать, что перевод Ваш займет менее 20 листов печатных, как Вы полагаете, особенно если примечания будут не слишком велики. О соблюдении этого последнего условия я в особенности просил бы Вас. Притом редакция предоставляет себе право сокращать примечания. Труд этот будет сделан моим помощником по классическому отделу Э. А. Вертом,¹ очень хорошим знатоком древней литературы. Затем еще одно условие. При первоначальных переговорах с Н. Н. Страховым я полагал, что труд Ваш будет гораздо менее 20 печ<атных> листов; допускаю это и теперь. Но во всяком случае, ввиду значительного объема Вашего Проперция, я просил бы Вас покорнейше: 1) не требовать, чтобы печатание Вашего перевода было начато с январской книжки, и 2) разрешить мне печатание

^а Так в подлиннике.

Вашего Проперция с перерывами, то есть перемежая его изредка⁶ помещением, в классическом отделе журнала, других статей. Прошу Вас об этом с издательской точки зрения, «для-ради пестроты на обертке», как выражался один, ныне покойный уже, редактор.² Вместо января мне было бы несравненно удобнее начать печатание Вашего Проперция с апрельского номера. Это, право, не слишком далеко, так как наш журнал не запаздывает и выходит аккуратно 1-го числа.³ В таком случае мне нужно получить Вашу рукопись к 15 февраля, никак не позже. Я позволяю себе говорить об этой отсрочке потому, что до сих пор мы с Вами еще не окончательно условились о сроках и, ввиду этой неизвестности, я уже принял некоторые статьи для классического отдела, которым мне необходимо дать место в скором времени. Смее думать, что Вы будете снисходительны к моим просьбам, я же, со своей стороны, позабочусь о том, чтобы отчетливо издать Ваш перевод.

Покорнейше прошу верить моему искреннему уважению и преданности

Л. Майков.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Александровичу
Шеншину
в Москву.
На Плющихе собственный дом № 481.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 15 октября 1887; 2) Москва, 16 октября 1887.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 2. Л. 1–2 об.

¹ Эдмунд Альбертович Верт (1839–1907) — специалист по древним языкам и истории античности; преподавал латинский язык в Санкт-Петербургском имп. историко-филологическом институте, Училище правоведения, Первой гимназии и Реформатском училище (Училище при реформатских церквях); автор ряда статей в *ЖМНП*, участник издания «Словарь классических древностей по Любкеру» (СПб., 1885).

² Автор высказывания не установлен.

³ Оповещение «(Вышла 1-го <название месяца>)» — печаталось в конце оглавления каждой книжки журнала.

⁶ Слово вписано.

3

Фет — Майкову

18 октября 1887 г. Москва

МОСКВА

Октября 18, 1887.

Плющиха, соб. дом

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Не зная до сих пор верного адреса, по которому я мог бы писать Вам и пересылать рукопись, которою очень дорожу, решаюсь и на этот раз прибегнуть к посредничеству Ник<олая> Ник<олаевича> Страхова.¹

Отвечаю по пунктам на Ваши замечания.

1. Рассчитывая по латинскому изданию Беренса,² я вполне согласен, что перевод мой с примечаниями немного превзойдет 10 или 12 печатных листов.

2. Я не против сокращения примечаний, уверенный, что ученый не обрежет их до невозможности понимания текста со стороны обыкновенного читателя.

3. Ввиду многих поступивших уже в печать моих в настоящем году изданий,³ я на отсрочку печатания Проперция до апреля согласен, и рукопись моя, в случае окончательного приема редакцией перевода, будет выслана к Вам 15 февраля, хотя могла бы быть выслана и в настоящее время, так как окончательно просмотрена и исправлена.

4. Кроме обещанных Вами двадцати пяти экземпляров, попрошу Николая Николаевича устроить мне за мой счет тиснение трехсот отдельных экземпляров.

Итак, принимая с благодарностью Ваши условия, прошу Вас почтить меня парюю слов насчет окончательной судьбы этого дела, снабдив меня и надлежащим адресом Вашим.^a

С совершенным почтением имею честь быть

Вашим

покорнейшим слугой

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 3–4.

^a Далее рукой А. А. Фета.

¹ Адрес Майкова Страхов сообщил Фету в письме от 16 ноября 1887 г. (см.: *Фет/Страхов. С. 445–446*).

² Фет ссылается на издание: Sex. Propertii Elegiarum libri IV / Recensuit Aemilius Baehrens. Lipsiae, 1880. *Эмиль Беренс* (Baehrens; 1848–1888) — немецкий ученый-классик, автор исследований о латинской литературе («De Sulpiciae Quae Vocatur Satira Commentatio Philologica», 1873; «Unedirte Lateinische Gedichte», 1877; «Poetae Latini minores», 1886; и др.); подготовил также комментированное латинское издание Катуллы («Catulli Veronensis Liber», 1876) и немецкое — Тибуллы («Tibullische Blätter», 1876). Об изданиях Проперция, которыми пользовался Фет, см. в примеч. 26 к вступит. статье.

³ В 1887–1888 гг. были изданы следующие переводы: «Превращения» Овидия, «Энеида» Вергилия, вторым изданием вышли трактат Шопенгауэра «Мир как воля и представление» и вторая часть «Фауста» Гёте (см.: *Летопись. С. 330*). Из оригинальных произведений — третий выпуск «Вечерних огней» (М., 1888) и первые главы «Моих воспоминаний» (*Фет А. Из моих воспоминаний // РВ. 1888. Т. 197. № 8. С. 3–56*), работа над которыми была начата летом 1887 г. Публикация «Моих воспоминаний» продолжилась в 1889 г. в «Русском вестнике» и «Русском обозрении»; отдельным изданием мемуары вышли в 1890 г.

4

Майков — Фету

14 ноября 1887 г. Петербург

14 ноября 1887.
СПб.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Я не отвечал на Ваше письмо от 18 октября по той причине, что на основании этого письма считал и считаю, что соглашение между нами относительно печатания Вашего перевода Проперция совершенно конченным. Но перечитав сейчас Ваше письмо, прихожу к заключению, что лучше еще раз повторить Вам о моем согласии напечатать Ваш перевод. Покорнейше прошу Вас выслать Вашу рукопись к 15 февраля по следующему адресу:

в редакцию «Журнала Министерства народного просвещения» —
Троицкий переулок, дом № 13.

Позвольте мне, не имеющему удовольствия знать Вас лично, рекомендовать себя Вам посылкою прилагаемой книги, которая, быть может, представит для Вас некоторый интерес.¹

Прошу верить моему глубокому уважению и преданности.

Л. Майков.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 2. Л. 3–4 об.

¹ См. примеч. 1 к след. письму.

5

Фет — Майкову

21 ноября 1887 г. Москва

МОСКВА

Ноября 21, 1887.

Плющиха, соб. дом

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Позвольте принести Вам двойную признательность. Во-первых, за прекрасный подарок изящно изданного труда Вашего, произведшего на меня самое отрадное впечатление. В последнее время стали появляться подобные Вашему издания, носящие на себе явные признаки бескорыстной любви к самому делу и свидетельствующие о несомненном развитии вкуса в нашей руководящей среде.¹ Во-вторых, за последнее слово Ваше, успокоившее меня насчет судьбы моего Проперция, перевод которого знатоки считают самым моим удачным.

К 15-му февраля надеюсь представить его в Ваше распоряжение.^a

Прошу верить глубокому уважению и признательности

Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 5–5 об.

¹ Трудно сказать, о каком «изящно изданном труде» Майкова идет речь. Его главным опубликованным в 1887 г. трудом была монография о К. Н. Батюшкове (см. примеч. 1 к п. 11). Однако, судя по реакции Фета, едва ли ему была прислана эта книга. Библиографические сведения о трудах Майкова см. в примеч. 3 к вступит. статье.

^a Далее рукой А. А. Фета.

6

Фет — Майкову

21 февраля 1888 г. Москва

МОСКВА

Февраля 21, 1888.

Плющиха, соб. дом

Многоуважаемый Леонид Николаевич,

хотя из писем Ваших мне известно, что перевод Проперция не поступит в печать ранее апреля, тем не менее во исполнение обещания прилагаю при сем две первых книги элегий с предисловием и примечаниями.

Смею Вас уверить, что ни на одного из переведенных мною римских поэтов я не потратил столько любви, симпатии и старания, как на Проперция. В моем переводе нет ни одного слова, не основанного на достаточном авторитете. Тем не менее предоставляю Вашим ученым прилагаемые примечания в полное их распоряжение. Не откажите в свое время, когда приступите к печатанию перевода, почтить меня о том уведомлением, хотя одной строкою.

При высылке второй половины перевода буду иметь честь сообщить Вам адрес деревни, куда я оправляюсь первого марта.^а

С совершенным почтением имею честь быть

Вашим

всепокорнейшим слугой

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 6–6 об.

7

Майков — Фету

27 февраля 1888 г. Петербург

27 февраля 1888.

СПб.

Милостивый государь Афанасий Афанасьевич.

Спешу уведомить Вас, что я сейчас получил с почты Вашу рукопись двух первых книг Проперция с предисловием и примечаниями. Усерд-

^а Далее рукой А. А. Фета.

Москва

Февраля 21, 1888.

Плющиха соб. домъ

Скороговорка Николай Николаевичъ,
хотя иль писалъ Вашимъ иль известно,
что переводъ Проперція не поступитъ въ печать
раньше Апрѣля, темъ не менѣе во исполне-
ніе обѣщанія прилагаю приславъ Вамъ первыя кни-
жечки съ предисловіемъ и примѣчаніями.
Сию Вашу увѣрять, что ни на одного изъ пе-
реведенныхъ мною римскихъ поэтовъ я не по-
тратилъ столько любви, симпатій и стараній,
какъ на Проперція. Въ моемъ переводѣ
нѣтъ ни одного слова, не основаннаго на дослу-
точнои авторитетѣ. Темъ не менѣе пре-
доставляю Вашимъ усерднымъ прилагаемымъ при-
мѣчаніямъ въ полное иль распоряженіе. Не отка-
житесь въ свое время, когда приступите къ
печатанію перевода, почитать меня о томъ

нейше благодарю Вас за их присылку. О печатании их не замедлю Вас уведомить, как только приступлю к нему.

С совершенным почтением имею честь быть

покорнейшим слугою Вашим

Л. Майков.

На конверте:

Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу

Шеншину

в Москву.

На Плющихе в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 27 февраля 1888; 2) Москва, 28 февраля 1888.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 2. Л. 5.

8

Фет — Майкову

15 апреля 1888 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.

15 апреля 1888.

СТАНЦИЯ

КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Глубоко уважаемый Леонид Николаевич!

Примите мою сердечную признательность за моего Проперция. Сию минуту я получил письмо от графа Олсуфьева насчет его переговоров с Вами о напечатании перевода. Ввиду весьма медленной, но зато чрезвычайно добросовестной его проверки, присоединяю к его желанию и мою покорнейшую просьбу отложить до сентября и октября печатание третьей и четвертой книг. При этом Олсуфьев указывает, что по новейшим исследованиям заголовок книги должен быть просто: «Элегии Секста Проперция», с пропуском имени Аврелия, о каковом исправлении я имею честь покорнейше Вас просить.^{а,1}

^а Далее рукой А. А. Фета.

С глубоким почтением и признательностью имею честь быть

Вашим

покорнейшим слугой

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 7–7 об.

¹ Об А. В. Олсуфьеве и его упоминаемом письме см. во вступит. статье. При публикации всех четырех книг «Элегий» напечатано, согласно просьбе Фета: «Элегии Секста Проперция». Второе имя Проперция (Аврелий) в XIX в. было признано недостоверным.

9

Фет — Майкову

15 мая 1888 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Мая 15. 1888.

Душевно уважаемый Леонид Николаевич!

Прошу Ваше Превосходительство принять сердечную мою признательность за присылку корректуры, которую, не желая задерживать по обстоятельствам лишнего часа, при сем возвратить честь имею, просмотревши ее только вскользь.

По-моему, жаль, что примечания напечатаны в конце книги отдельно, а не под каждой страницей, соответственно номеру стихов,¹ как это у меня во всех остальных переводах классиков. Прекрасно, что Вы вычеркнули имя *Аврелия*.

Насчет оттисков я бы просил Ваше Превосходительство ограничиться тремястами экземпляров на бумаге подобной, как Вы пишете, той, на которой издана моя «Энеида»,² и никаких веленевых экземпляров не нужно. А затем я могу только радоваться, что дело это находится в Ваших руках.

Сегодня уезжаю по делам в Воронежскую губернию,³ а вернувшись оттуда, тотчас же дошлю и остальные две книги, неожиданно полученные мною от графа Олсуфьева, и следовательно, с этой стороны не будет

препятствия к последовательному их напечатанию, не пропуская месяцев.^а

С глубоким уважением и признательностью имею честь быть

Вашего Превосходительства

покорнейшим слугой

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 8–9.

¹ Примечания, пронумерованные в соответствии с нумерацией элегий в книге I, помещены в майском номере *ЖМНП*, как и в последующих номерах, после текстов стихов (см: *ЖМНП*. 1888. № 5. С. 40–48), единым списком, с указанием автора: «А. Фет» (Там же. С. 48). Олсуфьеву Фет писал 22 мая: «Майков выслал мне корректуру первой книги Проперция, которой я второпях прочесть не успел. Но так как издатели ученые люди, то я не боюсь каких-либо необычайных сюрпризов. Сердечно жалею, о чем писал и Майкову, что они поместили примечания в конце книги, а не внизу каждой страницы, как это делают все древнейшие толкователи классиков и по сей день ведется. Кому охота чуть не на каждой строке вертеть все листы?» (*Письма к Олсуфьеву* (50). С. 241).

² Имеется в виду издание: *Энеида Вергилия*. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. М., 1888.

³ В Землянском уезде Воронежской губернии у Фета было имение Граворонка и конный завод, купленный им в 1874 г. С 15 по 20 мая вместе с Марьей Петровной и Е. В. Федоровой (секретарем) он совершал поездку «в Щигры, Воронежский конный завод и другое наше щигровское имение», о чем сообщал в письме к Олсуфьеву от 22 мая 1888 г. — см.: *Письма к Олсуфьеву* (50). С. 240, 241, п. 33 и примеч.; также: *Летопись. Дополнения*. С. 341.

10

Фет — Майкову

1 июня 1888 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.

1 июня. 1888.

СТАНЦИЯ

КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Неожиданно успешным окончанием проверки третьей книги Проперция граф Олсуфьев дал мне возможность ускорить и мою работу.

^а Далее рукой А. А. Фета.

Вследствие этого, препровождая при сем Вашему Превосходительству третью и четвертую книги Проперция с надлежащими объяснениями, имею честь покорнейше просить назначить время для их напечатания по Вашему усмотрению. Что же касается до трехсот испрашиваемых мною экземпляров, то я бы просил о высылке оных, буде это возможно, через комиссионерство, прямо по моему московскому адресу (Плющиха, д<ом> Шеншиной), а буде этого типография исполнить не может — не оставить меня без уведомления, — в какое время могу я прислать нарочного за получением оттисков.

Близ станции Коренная Пустынь я постоянно остаюсь по первое октября.^{а,1}

Прошу Ваше Превосходительство верить неизменному уважению
Вашего
покорнейшего слуги
А. Шеншина.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 10–10 об.

¹ С 1878 по 1892 гг. Фет с марта до октября неизменно жил в имении Воробьевка, находившемся неподалеку от станции Коренная Пустынь Московско-Курской железной дороги. Станция получила название от расположенного невдалеке монастыря.

11

Фет — Майкову

14 октября 1888 г. Москва

Москва
Плющиха, соб. дом

14 октября 1888.

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Принося Вашему Превосходительству мое искреннее поздравление с получением первой Академической премии,¹ пользуюсь случаем благодарить за окончание печатания моего перевода «Элегий» Проперция,² на отправку трехсот экземпляров коих сегодня я получил квитанцию Николаевской дороги.

Как и по другим отраслям, так и по делу классического образования государство стоит у нас впереди частной деятельности.

^а Далее рукой А. А. Фета.

Есть в римской литературе, по-моему, весьма талантливый поэт, которому по причудливости его фантазии во все времена не везло под предлогом его непонятности. Я говорю о Персии, и если большинство публики так мало сочувствует римским классикам, не сходящим со стола европейских образованных людей, то возможно ли рассчитывать на успех крошечного Персия даже с достаточными объяснениями? Во всех его шести сатирах не может быть более двух листов. Печатать отдельным изданием перевод Персия значило бы обречь издание прямо на макулатуру, и поэтому я решаюсь просить Ваше Превосходительство, не найдете ли Вы возможным напечатать стихотворный перевод Персия на основаниях, на которых напечатан Проперций?^а

Прошу принять выражения глубокой признательности, с какими имею честь быть

Вашего Превосходительства
всепокорнейшим слугой
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 12–13.

¹ В 1888 г. Л. Н. Майкову была присуждена Пушкинская премия Академии наук за издание трехтомного Собрания сочинений К. Н. Батюшкова (СПб., 1885–1887). Первый том издания содержал монографическое исследование о жизни и творчестве Батюшкова (с примечаниями, составленными при участии В. И. Саитова); отдельным изданием монография вышла в 1887 г.: *Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения*. СПб., 1887 (2-е изд.: СПб., 1896).

² Публикация была начата в майском, продолжена в июльском и августовском и завершена в сентябрьском номере *ЖМНП*; см. подробнее во вступит. статье.

³ О публикации перевода «Сатир» Персия в *ЖМНП* см. примеч. 1 к п. 12.

12

Майков — Фету

26 октября 1888 г. Петербург

26 октября 1888.
СПб.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Покорнейше благодарю Вас за Ваше любезное приветствие по случаю назначения мне академической премии.

^а Далее рукой А. А. Фета.

Весьма был рад узнать, что Вы продолжаете Ваши труды по переводу римских классиков. Перевод Персия я готов принять для помещения в «Ж<урнале> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения>» на тех же условиях, как был напечатан перевод Проперция; но пока не могу сказать, в какой именно книжке он будет помещен.¹

Прошу покорнейше верить моему глубокому уважению и искренней преданности.

Л. Майков.

На конверте: Его Высокоблагородию
 Афанасию Афанасьевичу
 Шеншину.
 Москва.
На Плющихе собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 27 октября 1888; 2) Москва, 28 октября, 1888.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 2. Л. 7.

¹ Перевод с предисловием и комментариями был помещен в мартовском номере журнала: Фет А. А. Сатиры Персия // ЖМНП. 1889. № 3. Отд. классич. филологии. С. 101–143.

13

Фет — Майкову

28 ноября 1888 г. Москва

Москва
Плющиха, соб. дом

28 ноября 1888.^а

Глубоко уважаемый Леонид Николаевич!

Принося Вам еще раз сердечную признательность за напечатание Проперция, высылаю вместе с сим, согласно благосклонному разреше-

^а Под датой вписано чернилами рукой Л. Н. Майкова и дважды подчеркнуто: март. Надпись определяла номер журнала, в котором состоялась публикация фетовского перевода; см. примеч. 1 к п. 12.

нию Вашему, в редакцию «Журнала Министерства народного просвещения» тщательно переписанный и проверенный экземпляр перевода Персия,¹ как Вы пишете, совершенно на тех же условиях, на каких печатался Проперций.

В моих изданиях поэтов я постоянно печатаю примечания постранично под текстом, что гораздо удобнее для читателя частых справок в конце книги. О времени напечатания Персия в журнале вполне полагаюсь на Вас, хотя думаю, что полтора или два печатных листа, которые он займет, не представят для журнала особенного затруднения. Буду и на этот раз просить о напечатании трехсот экземпляров на прежних основаниях.⁶

Прошу принять уверения в глубоком почтении, с каким имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугой
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 14–14 об.

¹ В письме к Полонскому от 29 ноября Фет сообщал о переводе Персия, «отосланном в министерский журнал» (*Фет/Полонский*. С. 690).

14

Майков — Фету

3 декабря 1888 г. Петербург

3 декабря 1888.
СПб.

Милостивый государь Афанасий Афанасьевич.

Спешу Вас уведомить, что рукопись перевода Персия мною получена. Повторяю, что согласен напечатать перевод на тех же условиях, на каких напечатал Проперция. Помещен он будет, вероятно, в мартовской книжке будущего года с примечаниями под строкой.¹

⁶ Далее рукой А. А. Фета.

Покорнейше прошу верить моему глубокому уважению и искренней преданности.

Л. Майков.

На конверте: Его Высокоблагородию
 Афанасию Афанасьевичу
 Шеншину
 в Москву.
На Плющихе в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 4 декабря 1888; 2) Москва, 5 декабря 1888.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 2. Л. 8.

¹ О публикации см. примеч. 1 к п. 12; о сожалении Фета по поводу примечаний к Проперцию, помещенных не под строкой, а в конце текста, см. п. 9 и примеч. 1 к нему.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л. Н. МАЙКОВ

А. А. ФЕТ¹

21-го ноября 1892 года скончался в Москве, после долгих и тяжких страданий, Афанасий Афанасьевич Шеншин, столь известный в нашей литературе под именем Фета.

Это был один из самых своеобразных поэтических талантов в литературном поколении, следовавшем непосредственно за Пушкиным. В чрезвычайной оригинальности его дарования заключается причина, почему о нем судили так различно. Действительно, у него были и горячие поклонники, и жесткие порицатели. Осуждали его за тот круг поэтического содержания, который он наметил себе в удел и в котором неизменно вращалось его дарование; его упрекали за равнодушие к интересам минуты, к современным общественным вопросам, к злобе дня; его осмеивали и писали на него пародии. Но, как справедливо заметил один из лучших литературных ценителей Фета, граф А. А. Голенищев-

Кутузов, из всех наших поэтов послепушкинского периода он был самым полным воплощением той свободы творчества, той независимости от преходящих условий места и времени, о которой неоднократно говорил Пушкин как об одном из самых коренных свойств художника и в то же время как о драгоценном праве каждого носителя истинной поэзии:

Ты — царь. Живи один, дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...²

Фет страстно дорожил этою поэтической свободой, горячо и твердо отстаивал свое право на нее. В одном многочисленном собрании в Москве, в январе 1858 года, где много и с жаром говорилось о способах разрешения только что возбужденного тогда крестьянского вопроса, к Фету подошел М. Н. Катков и с одушевлением сказал ему: «Вот бы вам вашим пером иллюстрировать это событие». «Я, — вспоминал впоследствии Фет, — не отвечал ни слова, не чувствуя в себе никаких сил иллюстрировать какие бы то ни было события. Я никогда не мог понять, чтоб искусство интересовалось чем-либо, помимо красоты».³ Фет не раз высказывал свои мысли об отношении поэзии к обстоятельствам времени. Он полагал, что «художник, избирая предметом своего творчества вековые явления мира внутреннего или внешнего, не рискует, что их не узнают в его произведении; напротив того, с неустановившимися историческими образами, тем более с предметами современными, беда самому первоклассному поэту».⁴ Известное стихотворение Тютчева:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа...⁵

восхищало Фета своим поэтическим достоинством независимо от мысли, которая может быть в нем угадана. Оценивая эти двенадцать строк со своей точки зрения, Фет находил, что они «были бы современными и за две тысячи лет пред сим, как, вероятно, останутся таковыми же еще на неопределенное время».⁶ Уже на склоне лет, приветствуя посетившую его музу, Фет говорил:

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Все та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.⁷

Как шиллеров певец при разделе мира, наш поэт взял на свою долю частицу неба⁸ — идеальное созерцание жизни, лирическое к ней отношение.

Лиризм — естественная, и надобно прибавить, исключительная сфера творчества Фета, ибо, по его собственному признанию, лиризм есть «цвет и вершина жизни». И как бы ни казался порою тесен поэтический кругозор Фета, — по силе лирического воодушевления не много найдется поэтов, ему равных. Корень тому — в его глубокой и в то же время детски-наивной впечатлительности, в неподдельной искренности и скрытой горячности его чувства. «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимою верой в то, что он воспарит по воздуху, тот — не лирик».⁹ Как ни поразителен сам по себе этот парадокс, он не совсем странный под пером Фета. Слепая, безумная отвага и дерзость, по его понятию, присущи лирику, но в художественном создании они обуздываются тончайшим чувством меры.¹⁰ Сочетание этих противоположностей характеризует яркую изобразительность в поэзии самого Фета и в то же время объясняет причудливость его фантазии.

Фет любил называть свои стихотворения песнями; поэзию он считал не только родственною с музыкой, но и нераздельною от нее: в момент творчества душа поэта приходит в музыкальное настроение, он поет, и самый строй его рифм не зависит от его произвола, а является в силу необходимости. Я чувствую, говорит он в одной из своих песен о весне, —

что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, но песня зреет!¹¹

Трудно лучше, чем этими словами, выразить непосредственность фетовского лиризма, в котором мелодия почти опережает вольное, крылатое слово.

О, если б без слова
Сказаться душой было можно!¹²

жалуется он в другом стихотворении, подавленный прозою будничной жизни. Но сила поэтического дарования в том и состоит, чтобы душа

высказывалась в слове. Фет в высокой степени обладал этим даром выражения чувства.

Как настоящий лирик, он — по преимуществу созерцатель и мечтатель. Мысль и чувство, образ и музыка стиха живут у него безраздельно. «Нет в мире предмета, — говорит он, — без соответственной ему идеи в душе человека, нет перспективы без озаряющего ее света, нет поэтического созерцания без поэтической мысли».¹³ Эту таинственную связь видимого мира с внутреннею жизнью души Фет угадывает поразительно чутко. Отсюда — его глубокое сочувствие природе, почти подчинение ее властной силе, напоминающее суеверное чувство древнего человека. Фет любит природу, как дитя свою мать; но ее растительную жизнь он умеет наблюдать с зоркостью проницательного художника; и наблюдает он природу не столько в ее грозных знамениях, сколько в обыденных явлениях — в мирной тишине зимы, в шумном весеннем расцвете, в замираниях вечернего света, в переливах ночного мрака. Если исключить Тютчева, ни у кого из наших поэтов нет такого обилия картин природы, и никто, быть может, не потратил столько роскоши и пестроты красок на ее изображение. Фет был уроженцем южной Великодержавии, и именно природу этой великодержавской украины, черноземной земледельческой полосы, видим мы в его стихах. Правда, иные из его картин слишком причудливы или туманны, но никогда не являются они только описаниями. Набрасывая черты реального мира, Фет в то же время уловляет те мимолетные впечатления, которые оставляют эти явления в душе человека. Живописец не в состоянии будет передать поэтические образы Фета на полотне, но в душе читателя они вызовут то же настроение, из которого они возникли в фантазии самого поэта. В одной из повестей Тургенева очень тонко передано впечатление, производимое поэтическими картинами Фета. «Помните ли вы, — пишет герой повести к знакомой ему молодой девушке, — помните вы, как однажды мы, стоя на дороге, увидели облачко розовой пыли, поднятой легким ветром против заходящего солнца? „Облаком волнистым“, — начали вы, и мы все тотчас притихли и стали слушать:

Облаком волнистым
Пыль встает в дали...
Конный или пеший —
Не видать в пыли.
Вижу, кто-то скачет
На лихом коне...
Друг мой, друг далекий —
Вспомни обо мне!

Вы замолкли.... Мы так и вздрогнули все, как будто дуновение любви промчалось по нашим сердцам, и каждого из нас — я в том уверен — неотразимо потянуло в даль, в ту неизвестную даль, где призрак блаженства встает и манит среди тумана».¹⁴

Конечно, Тургенев применил фетовский мотив к своей теме; пусть даже воображение романиста несколько дополнило легкий набросок поэта; но сущность впечатления схвачена все-таки верно. Песни Фета, с их теплотой чувства, с их томною мечтательностью, облеченною в пестрые, не всегда отчетливые образы, действительно способны возбуждать в читателе это мирное, светлое, несколько грустное чувство; можно забыть и стихи пьесы, и подробности ее содержания, впрочем обыкновенно несложного, но вынесенное впечатление надолго остается в душе, как в слухе — впечатление внезапно раздавшегося и постепенно замершего звука. В искусстве производить этот особый род поэтического впечатления Фет имел у нас только одного предшественника, тоже поэта-мечтателя, автора «Эоловой арфы».¹⁵

Как во взгляде на природу есть у Фета оттенок античного воззрения, так и в изображении человеческих чувств. Древний ваятель представил могучего Геркулеса отдыхающим после тяжелого подвига, который требовал чрезвычайного напряжения физической силы;¹⁶ так и поэзия Фета избегает изображать страсти в момент сильной нравственной борьбы. Она знает сердечное влечение лишь в его робком, первичном виде или, напротив того, в пору пережитого страдания, как светлое воспоминание о невозвратно минувшем счастье. В этом выборе для изображения моментов любви наш поэт резко отличается от Пушкина и Лермонтова, поэтов страсти кипучей, трагической, и опять сближается с Жуковским, при той, однако, разнице, что у Жуковского больше сосредоточенности в самом чувстве, тогда как у Фета ярче краски и образы.

Вообще говоря, русская поэзия мало повлияла на Фета: гораздо больше он обязан своим развитием Гёте как лирику и римским поэтам, которых он любил переводить. От них Фет унаследовал воззрения на искусство и отчасти приемы творчества. Быть может, следует пожалеть, что он не научился у них большей строгости в своем художественном труде и потому нередко оставался только импровизатором. Но не от своих учителей взял он силу лиризма: это — его неотъемлемая собственность.

Обыкновенно называют поэзию нашего лирика проникнутою чувством светлой радости. Такое определение едва ли справедливо; по крайней мере, следует признать его односторонним. Правда, в поэзии Фета не слышно звуков негодования и озлобления, — зато ей далеко не чужды

звуки глубокой скорби, душевного страдания от житейских невзгод. Как для всякого чуткого сердцем человека нет радости без печали, так и в поэзии Фета светлое чувство соединяется с горьким в свободном гармоническом сочетании; эта-то примирительная гармония, вызывающая, по выражению поэта, «пленительные сны наяву»,¹⁷ и дает поэзии Фета нравственный, гуманный смысл:

На землю сносят эти звуки
Не бую страшную, не вызовы к борьбе,
А исцеление от муки!¹⁸

¹ Публикуется по: *Майков Л. Н.* Историко-литературные очерки. СПб., 1895. С. 304–309. Впервые: Отчет о деятельности Второго отделения имп. Академии наук за 1892 год. СПб., 1892. С. 14–20.

² Майков почти дословно цитирует рецензию на три выпуска «Вечерних огней» *Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова* (1848–1913), поэта, последователя теории «чистого искусства», опубликованную в «Русском вестнике» (1888. Т. 195. № 4. С. 368–383). В рецензии, озаглавленной «Вечерние огни» (с подзаголовком: Стихотворения А. А. Фета. 2 части, издание К. Солдатенкова. Москва, 1863 г.; «Вечерние огни». Собрание неизданных стихотворений А. А. Фета. 3 выпуска 1883, 1885, 1888 г.), Голенищев-Кутузов писал: «Начать с того, что из всех русских поэтов послепушкинского периода литературы г. Фет является самым полным воплощением той свободы, той независимости от преходящих условий места и времени, о которой неоднократно упоминал Пушкин как об одном из самых коренных свойств и в то же время как о драгоценном праве каждого носителя истинной поэзии». Далее рецензент цитировал четыре строки стихотворения Пушкина «Поэту» (1830), выделяя в первой строке: «Ты царь. *Живи один*; дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя плоды высоких дум, / Не требуя наград за подвиг благородный», — и продолжал: «Вот завет Пушкина русским поэтам, и во все продолжение многолетней своей литературной деятельности г. Фет безусловно оставался верен этому завету. Широка или узка была его „дорога“, следовал ли он по ней торжественным поездом могучего властителя в гремющей и блестящей колеснице или шел смиренным, задумчивым, быть может и одиноким странником — это вопрос иной, к разрешению которого мы вернемся впоследствии. Теперь мы хотим удостоверить только ту несомненную истину, что творчество г. Фета было действительно *свободно* от всяких посторонних, чуждых искусству влияний и что никакие соблазны „наград“, в виде восторгов толпы и громкого одобрения модной критики, не могли отвлечь его от исполнения „благородного подвига“, не могли свратить его с однажды избранного им пути служения чистому искусству» (Там же. С. 368–369). В переработанном виде под заглавием «О вышедшем на днях третьем выпуске сборника стихотворений г. Фета „Вечерние огни“» рецензия вошла в издание: *Сочинения графа А. Голенищева-Кутузова*: [В 4 т.]. СПб., 1914. Т. 4. С. 394–401. В поэтическом наследии Голенищева-Кутузова есть послание «А. А. Фету» («Словно голос листвы, словно лепет ручья...», 1887) (см.: *Поэты 1880–1890-х годов*. 2-е изд.

Л., 1972. С. 252 (Б-ка поэта. Большая сер.)). В первой цитируемой строке Пушкина правильно: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной...».

³ Эпизод из «Моих воспоминаний» (1890) Фета; см.: *МВ*. Ч. 1. С. 225. *Михаил Никифорович Катков* (1818–1887) — публицист, литературный критик, издатель.

⁴ Неточная цитата из статьи Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859); ср.: «Избирая предметом песни вековые явления мира внутреннего или внешнего <...>, художник не рискует тем, что их не узнают в его произведении. <...> С неустановившимися историческими образами беда самому первоклассному поэту» (*Фет. ССулП*. Т. 3. С. 192).

⁵ Начальные строки стихотворения «Эти бедные селенья...» (1855).

⁶ Из той же статьи Фета; ср.: «Оно точно так же было бы современным за две тысячи лет, как, вероятно, и будет еще на неопределенное время» (*Фет. ССулП*. Т. 3. С. 192).

⁷ Стихотворение «Музе» (1882).

⁸ Отсылка к стихотворению Ф. Шиллера «Раздел земли» (1795).

⁹ Эта (не вполне точная) цитата, как и предшествующая, — из статьи Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева»; ср.: «Все живое состоит из противоположностей; момент их гармонического соединения неуловим, и лиризм, этот цвет и вершина жизни, по своей сущности, навсегда останется тайной. Лирическая деятельность тоже требует крайне противоположных качеств, как, напр., безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры). Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик. Но рядом с подобной дерзостью в душе поэта должно неугасимо гореть чувство меры. Как ни громадна лирическая смелость, — скажу более, — дерзновенная отвага г. Тютчева, — не менее сильно в нем и чувство меры» (*Фет. ССулП*. Т. 3. С. 186–187).

¹⁰ Парафраз из той же статьи; см. предыдущую сноску.

¹¹ Из стихотворения «Я пришел к тебе с приветом...» (1843).

¹² Из стихотворения «Как мошки зарею...» (1844).

¹³ Из статьи Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева» (*Фет. ССулП*. Т. 3. С. 180).

¹⁴ Не вполне точная цитата из повести И. С. Тургенева «Переписка» (1856). Цитируется стихотворение Фета «Облаком волнистым...» (1843). См.: *Тургенев. Соч.* Т. 5. С. 28, 399.

¹⁵ «Эолова арфа» (1814) — баллада В. А. Жуковского.

¹⁶ Изображение Геркулеса (Геракла) отдыхающим после своих подвигов — один из типичных сюжетов как у античных авторов, так и в более поздних копиях.

¹⁷ Из второй строфы стихотворения Фета «Муза» («Ты хочешь проклинать, рыдая и стена...», 1887); ср.: «Пленительные сны лелея наяву, / Своей божественною властью / Я к наслаждению высокому зову / И к человеческому счастью».

¹⁸ Финальные строки того же стихотворения.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. А. Фет

МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

II

С.-Петербург
Контраст
2013